

В ушах всё ещё звучал смех той женщины в момент её смерти. Решительный и печальный.

Цзян Мочоу, ты действительно не испытываешь сожалений?

— Это твоё воспитание будущего ребёнка? — Чи Юэ снял накидку и подошёл ближе.

— Ага, твой сын точно будет злодеем, мне нужно его исправить. — Янь Були закрыл книгу, увидев в его руке чашу с лекарством, его лицо тут же сморщилось от горечи. — Господин, знаешь, я думаю, что уже выздоровел...

Чи Юэ фыркнул:

— Выздоровел или нет, решает врач, пей быстрее, не заставляй меня тебя кормить.

— Не хочу... слишком горько.

— Ты что, не мужчина?! Как можно так бояться лекарства...

Янь Були с хитрой улыбкой поднял мизинец и подёргал кончик волос, бросив на него кокетливый взгляд:

— А я разве похож на мужчину?

Чи Юэ дрогнул, чуть не пролив лекарство. Он глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, и сказал:

— Горькое лекарство полезно, пей ради ребёнка.

— Разве лекарство обязательно должно быть горьким? Я не против лекарства, я против рецептов Лэ Цяньцю. Они такие горькие, что у меня язык немеет, и я не могу есть...

— Не может быть настолько горьким! Ты что, более капризный, чем женщина?

— Не веришь? Попробуй сам.

Чи Юэ поднёс чашу ко рту и глотнул, не удержавшись, он выплюнул:

— Действительно... горько.

— Хах.

— Кхм, пей спокойно, после дам тебе конфету.

— Не надо меня, как трёхлетнего ребёнка, уговаривать! — Янь Були закатил глаза и с достоинством потребовал:

— Я хочу жареную серебряную рыбу.

— Нельзя, врач сказал, что тебе сейчас нельзя есть рыбу.

— Тогда я не буду пить лекарство.

Чёрт, знал же, что с этим парнем мягко не справишься! Чи Юэ набрал полный рот лекарства, схватил челюсть Янь Були и, прижавшись губами к его рту, начал вливать лекарство.

Янь Були был в ужасе. Но его губы были сжаты, и горло наполнилось горьким лекарством, он не мог ничего сказать, только пытался оттолкнуть Чи Юэ правой рукой, но тот только ещё больше углубил свой поцелуй, захватывая его рот.

Этот мерзавец! Если бы он не был сжат, он бы обязательно откусил этот противный язык!

Едва закончив с первым глотком, Янь Були, чтобы перевести дыхание, поспешно сказал:

— Я... я сам выпью, не надо... мм... — Но Чи Юэ не дал ему закончить, как только первый глоток был сделан, сразу последовал следующий.

— Отпусти меня, ты, мм...

— Я тебя, мм...

— Чёрт, мм...

Чи Юэ закончил вливать лекарство, ещё немного погрыз влажные губы и наконец отпустил его.

— Кхм, кхм... — Янь Були, закашлявшись, вытирал слёзы. — Чёрт, Чи Юэ, ты просто воспользовался мной!

— Какое тут использование! Я использовал Цзян Мочоу. — Чи Юэ поднял бровь, смотря на него с видом полного оправдания.

— ... — Янь Були, ошеломлённый, вдруг подумал, что он прав — ведь это тело действительно принадлежало Цзян Мочоу.

Подождите, что-то здесь не так...

Видимо, беременность действительно делает человека глупее, и я уже начинаю тупить.

Глядя на то, как Янь Були, словно пьяный медведь, тупо сидит на кровати, Чи Юэ не смог сдержать внутреннего смеха. Он наклонился, серьёзно взял подбородок Янь Були и языком слизнул каплю лекарства с угла его рта:

— Не будем тратить зря.

Янь Були полностью вырубился.

Чёрт, кого он вообще соблазняет?! Меня или Цзян Мочоу?

Почувствовав, как язык Чи Юэ снова, как змея, проник в его рот, мозг Янь Були наконец начал работать, но, несмотря на все усилия, выдал только чистый лист.

— Подожди, подожди... старый демон Чи, кого ты целуешь?

— Цзян Мочоу.

— Я не Цзян Мочоу!

— Значит, это не твоё дело. Я целую свою женщину, а ты делай, что хочешь...

— Но мм... я не мм... мм...

Горькое лекарство смешалось в их поцелуе, язык Чи Юэ вызывал электрические разряды, которые проникали вглубь сердца, вызывая дрожь.

Янь Були почувствовал головокружение, но не мог перестать думать: он действительно целует Цзян Мочоу? Ту женщину, которой больше нет, ту, которую я никогда не смогу заменить...

Чи Юэ заметил, что Янь Були явно отвлёкся, и остановился:

— О чём ты думаешь?

— Ты целуй свою, а я думаю о своём. — Янь Були посмотрел на него. — Ты целуешь кого хочешь, я думаю о ком хочу.

Чёрт, этот парень в его объятиях ещё и о ком-то другом думает! Неужели о Хуа Усине, этом

мерзавце?!

— Янь Були... — Чи Юэ сжал зубы. — Ты можешь быть ещё тупее?

Тот невинно моргнул:

— А?

— Ладно, думай сам. — Если всё объяснить, то, возможно, больше не удастся целовать, это убыток... Чи Юэ посчитал в уме, встал, взял накидку и ушёл.

Янь Були сидел на кровати, тупо глядя в пространство, пытаясь понять, что произошло, и бормотал:

— Нет... чёрт... что это вообще было?!

Шуй Янь и Хань Янь ждали снаружи, но, прождав долгое время и не увидев никого, Шуй Янь начала сомневаться:

— Почему господин так долго кормит госпожу лекарством?

— Кхм, это зависит от способа кормления... — Хань Янь потирала руки.

Пока они шептались, дверь вдруг открылась.

Чи Юэ вышел, протянул пустую чашу Шуй Янь:

— Передай Лэ Цяньцю, пусть изменит рецепт, мне кажется, лекарство слишком горькое.

Шуй Янь взяла чашу, широко раскрыв глаза, с недоумением посмотрела на него:

— Господин... вам горько?

— Ага.

— Но почему я вижу, что вы... улыбаетесь, словно съели мёд?

Восьмое число двенадцатого месяца.

Город Цзянлин, храм Мэйшань.

Утренний свет, как золото, мягко освещал облака и двери храма. У подножия горы Мэйшань

шумели повозки и лошади, паломники шли непрерывным потоком. Учёные, путешественники, купцы — все стремились в храм.

Восьмое число двенадцатого месяца — день просветления Будды. Каждый год в этот день храм Мэйшань раздаёт буддийскую кашу и проповедует учение, а верующие Цзянлина приходят сжигать благовония, молиться и просить благословения.

«Один ян в начале лета, большой колокол, зерно и бобы варятся в каше. Аромат наполняет стол, фрукты и овощи собираются на тарелке. Вместе пробуем дары, передаваемые через ворота монастыря, монастырь передаёт свет лотоса. Время подношения Будде с искренней молитвой, золотой свет спасает всех». — Звуки молитвы доносились из главного зала храма, как снежинки на ветру, мягко падая в сливовый сад на востоке храма.

В это время сливовые деревья, покрытые инеем, стояли в полном цвету. Однако, по неизвестной причине, ни одно дерево не выпустило бутонов. Без аромата сливовых цветов снег на земле казался ещё более холодным, а человек, стоящий в редком лесу, ещё более одиноким.

Линь Чжэнсюань посмотрел на свою пухлую зелёную куртку и почувствовал, что ошибся.

Он должен был надеть лёгкий синий халат с жёлтым поясом, украсить волосы фиолетовой короной, повесить на пояс меч Семи Звёзд и Инея и встать на фоне снега и сливовых цветов... Хм, возможно, это бы заставило какого-нибудь маленького монаха передумать.

Конечно, при условии, что небо будет благосклонно, и у него будут деньги.

Монах под сливовым деревом, одетый в чёрную рясу, с лицом, как из нефрита, кожей, блее инея, опустил глаза, сжал тонкие губы. Его брови и ресницы были покрыты крошечными снежинками, а на виске ярко красовался пятилепестковый цветок сливы.

Несмотря на его строгий и отрешённый вид, с таким лицом, которое заставляло людей врезаться в деревья, он больше походил на демонического монаха...

Демонический монах опустил голову, глядя на землю, давая Линь Чжэнсюаню только блестящий лысый череп.

— Мэйсюэ, я знаю, что твой язык уже зажил, ты не можешь просто нормально поговорить со мной?

— Уважаемый, моё монашеское имя — У Мэй.

— Хорошо, хорошо, маленький мастер У Мэй, ты действительно собираешься отречься от мирской жизни, жить в чистоте при свете лампы и закончить свои дни в буддийском храме?

— Да.

Линь Чжэнсюань тут же достал из-за пояса бутылку вина «Девичья краса», открыл пробку и глубоко вдохнул:

— Как же вкусно пахнет!

Инь Мэйсюэ: ...

Он достал из кармана завернутую в масляную бумагу жареную курицу, оторвал золотистую, жирную ножку и с удовольствием начал есть:

— Знакомый запах? Купил у вдовы Ван на улице Лофэн... она до сих пор помнит тебя.

Инь Мэйсюэ: ...

— А, кстати, у меня есть письма от мисс Цзыму, мисс Таорань, мисс Ашэн и... кхм, мистера Янь Цю.

Инь Мэйсюэ:

— Откуда ты знаешь, что это любовные письма? Ты их открывал?

<http://bllate.org/book/15303/1352402>